Плач о потопших

Дочь вопит:

Снарядились мы за славное Онегушко
Во утлой малогребной этой лоточке,
С суседямы бессчастны не простилися,
Милосердому Бладыке не молилися,
Воску ярого свещей не затопляли!
Знать, Судинушка по бережку ходила,
Страшно-у́жасно голосом водила,
Во длани Судинушка плескала,
До суженых голов да добиралась.
Тут от бережка победны откачнулися,
От круто́го мы, бессчастны, отпехнулися,
В руки брали мы веселышка дубовыи,
Отправлялися за сине это морюшко!
Выезжали как на славное Онегушко,
Повевать стали ветрышки способныи
И мы мачты тут дубовы становили,
Тонки белы паруса мы распустили;
Вдруг по нашему великому несчастьицу,
По судьбы, видно, нашей бессталанной
За тяжкое велико согрешенье
По Божьему Господню повеленью
С подхолодной с подсиверной сторонушки
Вдруг о́блака скорешенько сходилися,
Наставала туча темна неспособная,
Без дождя туча темная, без молвии,
Подымалася погода непомерная!
Вкруте буйны эты ветрышки завияли,
С торока́мы эты ветры да ведь с западом;
Со хоромышков соломы посрывало,
Со могилушек кресты все сокидало;
На синем море вода вдруг сколыбалася,
Очень страсть как волна-то расходилася;
Пошла россыпь на синем море великая!

Тут дубова эта мачта приломалась,
Мала лоточка у нас да сколыбалась,
И склянёшенька воды тут наливалася;
Добры людушки во лоточке спутались,
Дубовыи веселки с рук повыпали!
С этой страсти великой, с перепо́лоху
Мы с ду́-другом, народ, ведь не простилися
И ясных своих очь да не крестили!
Мы не знали того сами, добры людушки,
Как смахнуло середи эта Онегушка
Во этую воду во глубокую:
Утонул отец с дитем да со родимым,
Он со малым своим да недоросточком!
Едина́, бедна дочи́, я оставалася,
На синем море, девиця, я шаталась!
Трои суточки победна колыбалась,
Со слезамы тут молитовку творила,
Со горючима Пречистой Богородице:
«Ты спаси меня, Царица свет Небесная!
Сохрани меня, Микола многомилосливой!»
Буйны ветры в чистом поле укротились бы,
На синем море волна да уходилась бы!
Да ты дай-ко теперь Боже, дай-ко Господи
Тиху ти́шинку на синем на Онегушке,
Благодать да ты на круглом этом морюшке!
Мала лоточка теперь бы не шаталася,
Уже я, бедна девиця, не пугалась бы;
Хоть прибило бы малу эту лоточку,
В острова хоть прибило не в бывалыи,
В берега бы стащило незнакомыи!
С этой страсти у меня, с перепо́лоху
Обмирае моя зяблая утробушка,
Изменилось у победной бело личушко,
Красота с лица девочья потерялася
У меня стояци во малой утлой лоточке!
Об эту о дубовую оклочинку,
Перетёрло у мня тонки белы пе́рески,
Приотерпли тут девоцьи белы рученьки,
Приозябли у мня резвы эты ноженьки,

Задрожалося ретливое сердечушко!
От тошна́ горя горюша стала плакать,
Стала думать я, бессчастна, своим разумом,
Поклонюсь на все четыре на сторонушки:
«Ты прости, прости теперь, да белой светушко!
Ой, ты красное прости да ноньку солнышко!
Ты прости меня, родимая сторонушка!
Отдали́ прости, родитель моя матушка!
Вы простите, спорядовыи суседушки!
Тайны милыи простите порове́чники!
Друг-советные простите мои по́дружки!
Ты прости, да на белом свете живленьице!
Прости Господи во тяжком согрешенье!
Знать, судьба меня, девицю, повзыскала,
Гля меня, видно, погода подымалась,
На синем море волна да скалывалась,
Едина́ я в малой лоточке осталась!»
Сговорю еще единое словечушко,
Сотворю да я Исусову молитовку,
Да я крест кладу, победна, по-писа́ному:
«Ты повыручи, Бладыко многомилосливой,
Ты повыздынь-ко победну со синя моря,
Не придай мне-ка смерти ты напрасной!
Буде Господи Бладыко свет помилуешь,
Я ходить стану во церковь посвященную,
Я к заутреням ходить да ко воскресным,
Я к обиденькам ходить да ко Христовьским,
По вечеренькам ходить буду по Троицким
По измоге я свещи да ставить ярые!
Запродам да я любимую покрутушку,
Я придамся ко крестьянину богатому,
Я во летныи ему во работнички,
Я во зимныи ему во коровнички,
Я возьму да золотой казны бессчётной,
Попрошу да я попов-отцев духовных,
Я служителей, победнушка, церковных,
Прослужу да я молебен Богородице,
Я другой да тут Бладыке многомилосливу,
Отложу да я гульби́ща со весельицем,

Отменю да тихомерны все беседушки,
Я заброшу все унылы эты песенки!»
Как на синем море победнушка шаталась,
Много страсти я, победна, привидала,
Много страньства я, победна, притерпела!
Не радию я, победна, во добры люди
Этой страсти я великой на синём море,
День и ночь да в малой лоточке шатаюца.
Знать молитовки ко Господу доходные —
Сожалела Пресвята мать Богородица!
Стала ти́шинька на синем на Онегушке,
Белой свет да стал на ши́рокой на уличке;
Мала лоточка ведь вдруг да становилася,
К кругу бережку она да пришатилася!
Я никак да не могу тут образумиться,
Взять я ум-разум во буйную головушку,
Уже так бедной горюше мне все кажется,
Быв на си́нем я на славном этой морюшке!
Тут Исусову молитву сотворила,
Я на крутой, красной берег выходила,
Я сама того, победна, раздивилася:
Знать, по моему девочьему моленьицу,
По Владыкину, знать, нонь благословленьицу
Вдруг прибило тут ко кру́тому ко бережку!
Я гляжу, бедна горюша, приодумалась,
За како ж да это место незнакомое?
Уж я во́ веки ведь здесь не бываюца!
Тут я села на катучий белой камышек,
Я под этот под ракитовый под кустышек,
Я схватилась за родителя за батюшка,
Я за светушка-братца за родимого,
Во синем море оны, може, шатаются!
Пораздумаюсь победным своим разумом:
Я пойду да по дубравушке зеленой,
Я по темной этой роще по еловой,
Я вокруг пойду по кру́тому по бережку,
Я глядеть стану на все на три-четыре на сторонушки;
Примечать стану, печальная головушка,
Я по буйному глядеть стану по ветрышку,

Я по облачкам глядеть стану ходячиим,
В день по красному смотреть буду по солнышку,
С какой сто́роны ведь ветры развеваются,
Куды темныи леса да нагибаются,
В кою сто́рону идет да красно солнышко,
От востока ли оно идет ко западу,
Далеко ль моя родимая сторонушка?
Вокруг о́строва пойду я красным бе́режком,
Призагрию эты резвы свои ноженьки,
Разману́ да я бессчастны свои рученьки.
Роспеки да теплое красное ты солнышко,
Обогрей мое бессчастно ретливо сердче,
Ты девоцьи победны мои плечушки!
Обуми́сь, моя бессчастна буйна го́лова!
Оглядитесь на́ свет, ясны мои очушки!
Повзыскать пойду родителя я батюшка,
Во-вторых, да светушка-братца родимого,
Я сердечного повозничка любимого:
Не прибило ли ко круту красну бережку?
Погляжу, бедна кручинная головушка,
Межу этыма катучима я камышкам,
На камышке ль оны да не терзаются?
У бережка оны да не качаются ли?
Черны во́роны телесов их не таскают ли?
Собаки ихны костья не волочат ли?
Во тяжкиих грехах — без покаяния —
Оны приняли смерётушку напрасную;
Телеса у их пойдут без погребения,
Не при́даны ко матушке-сырой земле!
Призавие буйным ветрышком,
Призагрие красным солнышком,
Западёт тело снежечиком перистым!
Не знаем мы, победные головушки,
Неумёршей мы ихной там могилушки!
Лучше дал бы Господь скорую смерётушку
На своей белой, брусовой им на лавочке,
Во своем доме-крестьянской бы во жирушке!
Мы попов-отцов ведь тут да попросили бы,
В Божью церковь посвященну мы сносили бы,

Честно-именно ведь их похоронили бы!
Мы бы знали, где могилушка умёршая,
На Владычной Божий праздничек сходили бы!
Спомянули тут мы их да попахали бы!
. . . . . .
Я пойду еще, печальная головушка,
Я по славному по кру́тому по бережку,
Я глядеть стану, сиротна красна де́виця,
Малых лоточек на синем на Онегушке,
Я ловцов глядеть на луды на подводной;
Я кричать буду, горюша, тухлым го́лоском:
«Не убойтесь-ко, народ, не устрашитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-тко,
Души спа́сенье своей да залучите-тко!»
Знать, по моему талану по великому,
Вдруг захлопали весёлышка дубовыи,
Показалась малогребна эта лоточка;
Вдруг наехали ловцы да добры мо́лодцы.
Хоть по бережку оны да становилися,
Оны в лоточке стоят, да устрашилися,
На меня, бедну горюшу, оглядилися!
Сговорят да тут ловцы да добры мо́лодцы:
«Уже што это за чудо обчуди́лося,
Человек стоит на крутом этом бе́режку,
Што ведь горькима слезама уливается,
Што великой кручиной утирается?»
Тут повышли-то ловцы да добры молодцы,
Со этой малогребной оны лоточки,
На этот на кру́той красной бе́режек.
Тут я пала, горюша, о сыру землю,
Приклонилася победна во резвы́ ноги,
Стала клубышком во ноженьках кататися,
Стала червышком победнушка свиватися,
Горючима слезмы да их ножки обливать:
«Не убойтесь-ко, народ, да не страшитесь-ко,
Вы возьмите сироту да переймите-ткось,
Вы свезите-тко в какое е селенье!»
Оны по́дняли победну от сырой земли,
Стали спрашивать, победнушку, выведывать:

«Ты откуль взялась теперь, да с кем ты ездила?
Вы за красныма ль поехали за ягодмы?»
Отвечала я, победна, слёзно плакала!
Говорят еще ловцы да добры молодцы:
«Ты давно ль взялась на кру́той здесь на бе́режок?»
«Уже слушайте, народ да люди добрыи!
Вы повирьте-тко победной мне головушке:
Я не знаю то, победная, не ведаю,
От толку́ сказать, победна, по-хорошему!
Не за красныма поехали за ягодмы,
Мы отправились за сине за Онегушко —
Со родителем своим я со батюшком,
Во-вторых, да я со братцем со родимым,
Как в-третьи́х, да я с суседом спорядовым!
Вдруг по нашему великому несчастьицу,
Как по этому злодийну бесталаньицу,
Вдруг поднялася погода непомерная.
Призавияли тут буйны столько ветрышки —
Потопило всех победных головушек:
Милого спорядного суседушка,
Желанного родителя-батюшка,
Сердешного света-братца родимого!
Я не знаю то, бессчастная головушка,
Уж я как спаслась, победна, сохранилась!
Трои суточки шаталась во Онегушке!
Знать, не сужено победной мне головушке
Потонуть да мне на синем на Онегушке!
Малу лоточку теперь да пришатало,
К кругу бережку ведь ю да прибивало;
Сохранил меня Господи, помиловал
От беды-смерти, победнушку, напрасной,
От воды меня, горюшу, от глубокой!
Кабы знали про то светушки бы, ведали,
Сколько страсти приняла я, сколько у́жасти!
Вы возьмите-тко скорее, люди добрыи,
Переймите-тко, ловцы да добры мо́лодцы,
Вы во эту малогребну меня лоточку:
Холоднёшенька, победна, голоднёшенька!»
. . . . . .

Меня взяли тут ловцы да добры молодцы
Во эту малогребную во лоточку,
Отвезли меня за синее Онегушко,
На милую родимую сторонушку.
Удивилися народ да люди добрыи,
Устрашилися суседи спорядовыи:
«Это што теперь за чудо причудилося,
Со синя моря ведь диво объявилося:
Как со мертвых она да воставала,
На родимую сторонку доставалася!»
Все собралися суседи спорядовыи,
Объявили тут властям да оны сельскиим;
Приходили писарёчки хитромудрыи,
Садилися к столу да ко дубовому,
Вынимали лист бумаженьки гербовой,
Меня спрашивать тут стали да выведывать:
«Где тонули ведь вы е да во синем море?
Да ты как красна девиця оставалася,
На синем море ты в лодке сохранялася?»
Допросушки от бедной отбирали,
На гербовой лист-бумагу обчинили
И становому то начальству доносили.
Тут боялася, победнушка, поло́халась:
Как приеде становой да всё начальничек,
Он куды кладет победную головушку?
Меня со́шлют со родимой, може, родинки,
Буду страньствовать, победна, слезно плакать.
Уж как я, бедна кручинная головушка,
По горям теперь, победнушка, по по́зорам,
По допросам-то пошла да по великиим!
Умом-разумом ведь наб да применитися,
Наб стоять да пред начальством не шататися,
Говорить надо победной, не мешатися!
Отвечать буду победна таково слово:
«Я не знаю ведь, горюшица, не ведаю,
Уже што да ведь над нама сочинилось;
Буйны ветрышки ведь е да поразвиялись,
Уже вкруте тут волна да расходилася,
Пал ведь то́рок теперь да неудольной,

Сильной сивер то завиял тут свирепой,
Мала лоточка у нас да сколыбалася,
Дубова́ мачта на ней да приломалася,
Тонки белы паруса вдруг обрывалися!
Утонул да тут родитель-милой батюшко,
Света-братца тут смахнуло буйным ветрышком
Середи да синя славного Онегушка,
Тут же бросило спорядного суседушка;
Их смахнуло разом в водушку глубокую!
Я сама себя, победнушка, не знала,
Уж я как да на синем море спасалась?
Трои сутчки я бе́з вести качалась!
Тут прибило ко кру́тому ко бе́режку,
К темну острову меня да не к бывалому;
Тут повышла я на матушку-сыру землю,
Я на́ этот на кру́той красной бе́режок!
Тут приехали ловцы да добры мо́лодцы,
Отвезли меня, сиротну бедну девушку,
На родимую меня да на сторонушку;
Спорядовыи суседи собиралися,
Дива дивного оны тут дивовалися,
Сожалили всё печальную головушку!
Ты помилуй-ко, судья да правосудная!
Ты спаси меня, власть да милосердая!
Не молила я родителю погибели,
Не топила света-братца я в синём море,
Не спустила я суседа в глубоку́ воду;
Знать, судьба да их такая сустигала,
Их судинушка голов да повзыскала!
По Владыкину Господню повеленью,
Знать, им сужено ведь смерть принять потопная,
Потонуть да знать им сужено в синём море!
Я не знаю же, победнушка, не ведаю,
Може, при́било где к кру́тому ко бережку,
Телеса, може, на камышках терзаются,
Може, птиченька ведь их да натаскается!
Смилосердуйся, судья да правосудная!
Не изъянь-ко ты победную головушку,
Не зори меня, сиротну красну девушку!

У мня нет да золотой казны бессчётной,
Нету скатных перебраных отдать жемчужков,
Задарить тебя, судью неправосудную!»
Не острастил-то начальник, не сполóхал,
Потихошеньку подпал он к красной девушке,
Не свирепо он со мной да разговаривал,
Он погладил-то по бладой по головушке,
Умильнёшенько меня да он выспрашивал:
«Ты по своему скажи да по девичеству,
По души скажи теперь, да ты по правдушке.
Ты о страсти своей да скажи ýжасти,
Што случилося у вас да сочинилося?»
Удивился он судьбы моей несчастной,
Сговорил он мне, победной, таково слово:
«Верно, Господу молилась от желаньица,
Богородице молилась с горючмы слезмы,
Не соробела печальна, не сполóхалась,
Ты шатаюца на синем на Онегушке!
Уж как этыма темныма-то ноченькам,
Торок-буйны очень ветры развеваются,
Страшно-ýжасно вода да колыбается,
Шибко лоточка теперь да расшатается.
Ты держалась за дубовую оклочинку,
Перетерло твои белы эты рученьки!»
Сговорил да становой еще начальничек,
Он народу сговорил да людям добрыим:
«Да вы съиздите за сине за Онегушко,
Поищите телеса да там бездушныи.
Буде нáйдете потопных — схороните-тко,
Телеса да ко сырой земле придайте-тко».
. . . . . .

К суседям:

Вы послушайте, спорядные суседушки:
Как сегодным учётным долгим годышком
На наше на хоромное строеньице
Прилетала лесовá птича незнамая!
Как садилась на хоромное строеньице,

Она у́кала-то, птича, по-звериному,
Как свистала эта птича по-змеиному!
Уж мы тут, бедны горюши, устрашилися,
Темной ночью от крепка сна прохватилися:
«Это што у нас за зверь да сидит-у́кает
И стращат да нас, победныих, поло́хает?»
Все я думала победным своим разумом,
Знать, беда приде победным нам напрасная:
Пожар там на хоромное строеньице,
Либо мор да на любимую скотинушку!
Не начаялась, победна, не надиялась
Я над милым родителем над батюшком;
Я не думала про братца про родимого,
Што потоп буде на синем на Онегушке!
Нонь у нас, да у печальныих головушек,
Така да е обидушка несносная!
Не радела бы, обидна красна девиця,
Я бы ворогу, победна, во темных лесах,
Не радела бы суседам спорядовым
Я потопу бы на синем на Онегушке!
Я привидела, победна, много горести,
Натерзалася, победна, нашаталась,
Со белым светом, победна, напрощалася!
Я не думала, бессчастна красна девушка,
Што быть да мне, победной, на святой Руси,
Што ходить бедной горюше по сырой земле!
Нонь судил да Боже Господи
Мне-ка быть да на родимой на сторонушке,
Во победном во сиротском теплом гнездышке,
На своей мне-ка брусовой белой лавочке!
Знать, подружки обо мне да помолилися,
Видно, девушку меня да пожалили...
Вы послушайте, народ да люди добрыи,
Подойдите-тко, души да красны девушки,
Да вы ставьтесь-ко под праву ко мне рученьку!
С этой страсти у меня да с перепо́лоху,
Буйна го́лова у беднушки не гладится,
Прядка с прядкой в русой ко́сы не сплетается,
Побусили жемчуги да перебраныи,

Изоржавели колечка золочёныи!
Быв с того свету горюша объявилась,
Со синя моря горюша выставала!
Не дай Господи того да на белом свете
Уже быть да ведь на страсти-такой ужасти!

К матери:

Ты послушай же, родитель моя матушка!
Хоть меня да ты, родитель, спородила,
Во бессчастной день победнушку засияла,
Ты не участью-таланом наделяла!
Приносила хоть в хоромное строеньице,
Не в большой угол меня да полагала!
На кирпичну́ю, знать, печеньку ложила
И сосновую лучину подстилала,
Тут великиим бессчастьем награждала!
Столько жаль бедной горюше мне, тошнёшенько,
Великого родительска желаньица —
Светушка-братца родимого,
И милого спорядного суседушка!
Как могучий я был бы богатырь,
Кабы силушка была у мня звериная,
Потяги да у мня были лошадиные,
Накатала бы катучих белых камышков,
Загрузила бы я славное Онегушко!
На синем море волна бы не сходилася,
Со желтым песком вода бы не мутилася,
Малогребных этых лоток не шатало бы,
Тонких белых парусов не обрывало бы,
Бесповинныих голов да не топило бы,
Уж как мужниих бы жен да не слезило бы,
Сирот-малыих детей не оставляло бы!
Теперь все прошло у нас да миновалося,
Со тоской, горькой кручиной я позналася!
Талан-участь на синём море оставила,
Мое счастье в синем море утонуло все!
Нонь решилося великое весельице,
Миновалося любимо доброумьице;

Надо слыть да бедной дочери безотней,
Как печальной сестры да мне — безбратней!
Нонь не красит-то любимая покрутушка,
Не цветет да на мне цветно это платьице!
Как не жемчужном головка изнасияна —
Великоей кручинушкой наде́лена!
Ясны очушки не сахаром насыпаны —
Горючима слезамы принаполнены!
Не несут меня, печальной, ножки резвые
Уж как на́ этот на кру́той красной бе́режек,
Не глядят мои бессчастны очи ясныи
На синее на славное Онегушко!
Не радию я, победная головушка,
Уж я добрым, горюша, столько людушкам
Ходить-ездить-то теперь да по синю морю,
Во этых малогребныих во лоточках!..
. . . . . .

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.